

разделу языковедения, для которого проблема морфологического и семантического строения слова является центральной. Между тем эта проблема — как показывает приведенный материал — трактуется автором не только противоречиво и неясно, но в ряде случаев и ошибочно; весьма серьезным упущением является то, что недостаточно используются и показываются достижения отечественной (русской дореволюционной и советской) науки в области данной проблемы. Все это, естественно, ограничивает возможности использования книги как учебного пособия.

К. А. Левковская

НОВАЯ ПОПЫТКА ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН *

В первом издании своей книги о восточнославянских племенах (М., 1948) П. Н. Третьяков, говоря о происхождении славян и набросав широкую картину их древних поселений, опирался на исследования советских ученых, но исходил прежде всего из данных археологии и истории и лишь в незначительной степени привлекал данные языковедения. Кроме такой односторонности, его описание было зависимым от господствовавшей в то время в советской науке теории Н. Я. Марра. Следованием этой теории сковывало рассуждения автора и привело его к довольно сумбурным выводам, которые противоречили показаниям собранного им вещественного материала. Совершенно не были использованы результаты исследований польских и чешских ученых (за исключением Л. Нидерле). Освободившись от влияния псевдомарксистских концепций Марра, опровергнутых историческими работами И. В. Сталина в 1950 г., и основательно изучив труды зарубежных ученых о происхождении славян, П. Н. Третьяков предпринял в прошлом году второе издание своей книги, первая часть которой посвящена интересующей нас проблеме этногенеза славян. Здесь дана совершенно новая и чрезвычайно ценная разработка этого важнейшего для истории славянской культуры вопроса. Но и в настоящем виде работа страдает некоторой односторонностью освещения указанной проблемы. Эта односторонность обусловлена опять-таки слишком слабым привлечением данных языковедения. Без последних невозможно разрешение сложных вопросов, которые неизбежно возникают при попытках отождествления культурных массивов, установленных археологией, с этническими общностями, говорящими на определенных языках. Однако П. Н. Третьяков сделал большой шаг вперед в том отношении, что во втором издании книги, в отличие от первого, он, будучи свободен от оков марризма, безоговорочно встал на почву общепринятых положений сравнительно-исторического языковедения, когда выводил общий для славян язык — праславянский («общеславянский», по его терминологии) из определенной группы индоевропейских диалектов, на которых говорили племена бывшей территории Средней и Восточной Европы на протяжении III—II тысячелетий до н. э. Наряду с этим период тесной балтийско-славянской языковой общности он признает переходный между индоевропейской эпохой и эпохой славянской общности. Этот период в советской науке до сих пор вообще не учитывался. Оценивая результаты работы П. Н. Третьякова с языковедческой точки зрения, мы должны обратить особое внимание на понимание автором указанных моментов языкового развития славян и их предков, а также на то, как он связывает материал языковедения с данными археологии, относящимися к развитию материальной культуры соответствующих этнических комплексов.

За исходный пункт этногенетических процессов, которые в конце концов привели к возникновению этническо-языкового славянского комплекса, автор, опираясь на археологические исследования, принимает вышеследующую схему расселения племен, занимавших территории Средней и Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. Он выделяет четыре основные племенные группировки: 1. Среднеевропейские племена, занимавшие территории бассейнов Одры, Вислы, Буга и верхнего Днестра с Вольной и Подольей, но не доходившие до среднего течения Днепра и его правобережных притоков. 2. Племена, культура которых в археологии носит название трипольской; их поселения тянулись от среднего Днепра к югу, доходя до устьев Днестра и Дуная, и охватывали по восточной стороне Карпатской дуги бассейн нижнего Дуная. 3. Стенные племена, заселявшие причерноморские земли в бассейнах нижнего Днестра, Дона, нижней и средней Волги. 4. Группа племен, занимавшая область всей Северо-Восточной Европы, которая тянулась от Урала через бассейн верхней Волги, верхнего Днестра, Зап. Двины и Немана, вдоль побережья Балтийского моря, заходя за нижнюю Одру. Данная группа смешивалась на нижнем течении Вислы и Одры с народностью

* См. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., Изд-во АН СССР, 1953.

среднеевропейского типа (ср. карту на стр. 20 рецензируемой книги). Эта последняя группа племен рыбацко-охотничьей культуры, как верно подчеркивает П. Н. Третьяков, является основой, на которой со временем вырос этническо-языковой угро-финский массив.

В третьей группе степных скотоводческих племен и в первой группе средне- и восточноевропейских земледельческо-скотоводческих племен автор видит уже на рубеже III и II тысячелетий до н. э. носителей древних индоевропейских языков. При этом степной культурный комплекс, исторически связанный с судьбами обитателей переднеазиатских степей и восточного побережья Средиземного моря, он относит (хотя ясно этого и не формулирует) к восточной ветви индоевропейских языков, а средне- и восточноевропейские племена первой группы считает предками остальных индоевропейских народов: фракийцев, дакийцев, иллирийцев, славян, германцев, балтов и других. При этом автор совершенно правильно отбрасывает защищавшуюся ранее В. В. Хвойкой точку зрения, согласно которой предками славян были причерноморские и приднепровские племена трипольской культуры. Он согласен с В. В. Хвойкой только в одном: что местонахождение прародины славян следует искать не в бассейнах Вислы и прибалтийских землях, что нередко допускали прежде, а в бассейне среднего Днепра. Однако П. Н. Третьяков делает оговорку, что предками славян нужно считать не трипольские племена, из которых со временем образовался фракийский племенной комплекс, а племена более северные, уже в начале III тысячелетия до н. э. заселявшие лесные пространства между средним Днепром и Одром. Это недостаточно ясное и даже не свободное от противоречий положение автор освещает более подробно при рассмотрении следующей фазы развития этническо-языковых отношений Средней и Восточной Европы. Эти отношения оформились в течение II тысячелетия до н. э. в связи с захватом указанных территорий новыми культурными комплексами, известными в археологии под названием племен культуры «шнуровой керамики».

Внешние формы проявления этого комплекса настолько отличались от форм культуры племен предшествующего периода, что в археологической науке до сих пор преобладала точка зрения, согласно которой распространение «шнуровой керамики» — результат экспансии племен, ее носителей, на территории, ранее заселенные другими племенами с иными формами культуры.

П. Н. Третьяков, не приводя более развёрнутых доказательств, считает подобную точку зрения проявлением «метафизических взглядов на исторический процесс», характерных для буржуазных археологов, и полагает, что здесь речь идет лишь о внутренних изменениях в особенностях культуры тех же самых племен, которые с давних пор заселяли соответствующие территории. Эти изменения происходили в связи с вступлением племен в новую фазу развития, состоявшую в расширении скотоводческой системы хозяйства и ограничении земледелия при одновременном распространении на рубеже II тысячелетия употребления первых металлов (меди и бронзы). Вывод этот — в целом слишком общий — не кажется нам достаточно убедительным: сама замена земледельческо-скотоводческого хозяйства на преобладающее скотоводческое не могла произойти вдруг, в результате какого-то «взрыва» или «скачка» (как это себе представлял Марр и его сторонники), а требовала, вне всякого сомнения, длительного переходного периода, во время которого старые формы культуры не могли бы так относительно быстро уступить место новым формам, как это в действительности произошло в эпоху господства на территории Средней и Восточной Европы комплекса «шнуровой керамики», который на протяжении двух-трех последних веков неолитического периода смог подчинить себе почти все древнейшие культурные массивы.

Трудно также достаточно убедительно объяснить, какой могла быть связь между новыми формами сосудов, украшенных отпечатком шнура, или распространенным обычая погребения мертвецов в скорченном положении и изменением хозяйственных отношений в сторону преобладания скотоводческой системы хозяйства над более древней земледельческо-скотоводческой. Нам кажется, что значительно легче будет объяснить относительно быстрое распространение новых форм культуры на таких больших пространствах, вернувшись к старому предположению, что распространение это было следствием экспансии определенных этнических элементов, которые принесли с собой формы культуры с занимаемых ими ранее узких пространств на более широкие. Подобная гипотеза, конечно, не вытекает из какого-то «метафизического понимания исторического процесса» и ни в чем не противоречит материалистическому мировоззрению, как не противоречит ему высказанное П. Н. Третьяковым несколько ниже (стр. 34) совершенно правильное предположение о переселении скотоводческих племен из среднего Поднепровья и Повисленья в области бассейна верхнего Днепра и Волги, а также восточного побережья Балтийского моря.

Ясно, что, допуская возможность столь широкой экспансии этнических элементов, которые были носителями культуры «шнуровой керамики», мы не можем предполагать полного вытеснения ими более древнего населения завоеванных территорий. Согласно правильной точке зрения П. Н. Третьякова (ср. стр. 27—28), тут можно говорить лишь о провидении объединений, состоящих из небольших племен, которые, меняя

свои становища, оседали среди племен, являвшихся давними обитателями данных территорий. Лишь постепенно сливаясь с последними, эти племена прививали им некоторые особенности своей культуры, перенимая в то же время определенные черты местной культуры. Таким образом, на пространствах, охваченных экспансией культуры «шнуровой керамики», возникли значительные группировки, которые различались между собой определенными чертами культуры, зависящими от более древней культурно-племенной основы, но были связаны общими особенностями, принесенными племенами «шнуровой керамики». И. Костшевский различал на территории Польши шесть таких локальных разновидностей культуры «шнуровой керамики»¹.

Но данный факт нельзя считать, как это делает П. Н. Третьяков (см. стр. 32—33), доказательством образования элементов культуры «шнуровой керамики» в результате хозяйственных изменений на территории древнейших племенных объединений и аргументом против этнической экспансии этих элементов. В конце концов сам автор, не замечая того, приводит важное положение, противоречащее его выводу: он подчеркивает (стр. 33) тот факт, что скотоводческая культура (т. е. в этом случае — шнуровая) не охватила всей территории древнейших сельскохозяйственно-скотоводческих племен Средней и Восточной Европы, а задержалась на границе приднестровских и придунайских племен трипольской культуры и совершенно не затронула некоторые группы этих племен в бассейне среднего Днепра и Днестра, которые остались чужеродными островками на отмеченной территории. Однако трудно предположить, чтобы условия жизни этих островных племенных групп могли очень сильно отличаться от условий жизни окружающих областей, охваченных экспансией культуры «шнуровой керамики». Невольно напрашивается вывод, что решающую роль тут сыграли этнические различия: трипольские племена, отличающиеся от соседей в этническо-культурном отношении, или не допустили на свои земли переселения племен «шнуровой керамики», или, находясь на более высоком уровне развития, полностью ассимилировали пришельцев.

Для разрешения этого вопроса большое значение могут иметь данные языкознания, на которые П. Н. Третьяков совершенно не обратил внимания. Несомненным является тот факт, что племена, которые заселили огромные пространства Средней и Восточной Европы, занятые культурой «шнуровой керамики» (ср. карту на стр. 31), издавна пользовались языками, принадлежавшими в общем к единому комплексу, в основе которого, без сомнения, лежат диалекты, восходящие к балтийско-славянской языковой общности. Вне области распространения этого языкового комплекса и культуры «шнуровой керамики» находились лишь территории, где обитали некогда степные племена, которые П. Н. Третьяков правильно считает принадлежащими по языку к восточно-индоевропейской группе (связанной позднее с так называемыми арийскими — индо-иранскими — и переднеазиатскими языками), и относительно незначительные приднестровские и причерноморские пространства, заселенные племенами трипольской культуры. Диалекты этих последних племен, в которых появились индоевропейские языковые черты, послужили, как это можно с уверенностью предположить, основой для фракийских наречий (ср. стр. 30). Захват таких больших территорий, как занятые представителями балтийско-славянских диалектов пространства, по крайней мере от Одры до Оки и средней Волги, от Финского залива до Карпат и среднего течения Днепра, более или менее монолитным языковым комплексом не мог быть результатом только хозяйственных изменений на этих землях потому, что, как это совершенно правильно в другой связи подчеркивает П. Н. Третьяков, подобные изменения могли, самое большее, способствовать обогащению языка, но «не могли привести к возникновению качественно новых языков и этнических групп» (стр. 35). С другой стороны, небольшая плотность населения в эти давние времена и отсутствие общественно-организационных связей между племенами на обширных пространствах делали невозможными длительные языковые связи, которые могли бы стать основой возникновения среди племен языковой общности. Следует предположить существование какого-то иного связующего фактора, обусловившего распространение на всей этой территории в общем единой языковой системы.

Подобным фактором в таких условиях могли быть только пришедшие с меньших и, в языковом отношении, более замкнутых территорий группы людей, которые распространили среди населения захваченных ими областей параллельно с элементами своей материальной культуры особенности своего языка. Это привело к возникновению нового, в общем монолитного языкового комплекса, на основе которого со временем образовались балтийские и славянские языки. Таким образом, мы подходим к проблеме балтийско-славянской языковой общности и ее отношения к культурно-этнической основе, освещению которой дает нам археология.

П. Н. Третьяков, как мы уже отметили выше, первый из советских ученых обратил внимание на проблему славяно-балтийской общности, встав без оговорок на ту точку

¹ Ср. J. Kostrzewski, *Od mezolitu do okresu wędrówek ludów*, в кн. «Prehistoria ziem polskich» («Encyklopedia polska» [PAI], t. IV, część 1, dział V), Kraków, 1939, стр. 168 и сл.

зрения, что раздельному развитию славянского и балтийского этническо-языковых комплексов предшествовал период их общего развития. Он связывает этот период не с общностью средне- и восточноевропейской культуры «шнуровой керамики», а с относительно более древним комплексом так называемой культуры глиняных сосудов шаровидной формы (шаровидных амфор). При этом состав указанного комплекса и территорию его распространения он рассматривает иначе, чем другие археологи. Он относит к последней не только непосредственно территорию культуры глиняных сосудов в бассейне Вислы вместе с родственной ей подолюско-волынской группой культуры могил из каменных плит, но и центрально-приднепровский культурный массив, простирающийся на север к верхнему Днепру, Сожу и Десне — массив, который другие исследователи совсем не связывают с этой культурой¹. Не оставаясь более на этом противоречии между взглядами П. Н. Третьякова и других ученых, следует отметить, что подобная постановка вопроса натолкнулась на ряд серьезных трудностей. Принимаемая Третьяковым предположительная территория распространения балтийско-славянской общности почти совсем не включает в себя, кроме земель позднейшей Восточной Пруссии, областей оседлости балтийских племен: границы ее проходят к югу от Припяти и бассейна Немана. Исходя из выпесказанного, следовало бы признать, что предки балтов прибыли на места своих исторических поселений с юга не ранее как на протяжении I тысячелетия до н. э. Но ни данные археологии, ни данные каких-либо других наук не подтверждают этого. В такой связи нельзя не учитывать некоторых фактов языкознания, имеющих определенное значение при решении вопросов генезиса балтийско-славянского языкового комплекса.

Прежде уже обращалось внимание на тот факт, что в грамматическом строе балтийских и славянских языков имеются определенные черты, чуждые другим индоевропейским языкам и связывающие эти два вместе взятых языковых комплекса с угро-финскими языками. К ним относится, например, характерная для угро-финских языков балтийско-славянская тенденция к объединению в некоторых производных словах значительного количества суффиксов, служащих для обозначения различных смысловых отношений, которые в других индоевропейских языках выражаются при помощи синтаксических средств (ср., например, сербо-хорв. *dom*, *domaći* «домашний», *domaćin* «хозяин дома», *domaćinstvo* «функция хозяина дома», *domaćinstvovati* «быть хозяином дома» и т. п.), или также балтийско-славянское употребление творительного падежа в качестве сказуемого, употребление в функции дополнения родительного падежа вместо винительного при глаголах с отрицанием и т. п.²

Подобные факты можно объяснить исключительно наложением древнейших индоевропейских диалектов предков балтов и славян на основу угро-финских диалектов, которые, подвергаясь постепенной индоевропейизации, передали некоторые грамматические особенности своим индоевропейским, точнее, балтийско-славянским преемникам. Этот процесс мог произойти только там, где индоевропейские этнические элементы распространились на территории, ранее занятые угро-финскими племенами. Следовательно, это не могло иметь места на территориях бассейна средней Вислы, Подолыи, Волыни и среднего Приднепровья, которые никогда не были заселены угро-финскими племенами. Указанные условия имелись лишь в области более северной, от нижней Одры через бассейн нижней и средней Вислы до северной Волыни и Полесья, куда в конце неолитической эпохи доходили угро-финские поселения, представленные остатками культуры гребенчатой керамики, и где они были ассимилированы индоевропейской народностью культуры «шнуровой керамики». На данной территории следует поэтому искать зачатки балтийско-славянского языкового комплекса. Последний лишь через бассейн средней Вислы (где в формах керамики так называемой тицинейской культуры ясно проявляются следы элементов праугрофинской культуры гребенчатой керамики, поглощенных культурой «шнуровой керамики») расширил свои границы к югу и юго-востоку, занимая пространства, на которых выступает культура «шнуровой керамики», вплоть до среднего течения Днепра и приднепровских поселений племен трипольской культуры. Указанные пространства уже раньше были заселены земледельческо-скотоводческими племенами с различными типами культуры, говорящими, как, видимо, правильно предполагает П. Н. Третьяков, на родственных им индоевропейских диалектах, что определенно облегчало явным немногочисленным пришлым группам культуры «шнуровой керамики» (по языку балтийско-славянским) языковую ассимиляцию этих огромных пространств. Существовавшие там ранее различия между индоевропейскими диалектами местных племенных групп, несомненно,

¹ Ср. последнюю работу А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (М., 1952, стр. 216—224).

² Ср.: J. Pokorny, Substrattheorie und Urheimat der Indogermanen, II — Substratfrage im Balto-Slavischen, «Mitteil. der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», t. LXVI, стр. 71; T. Lehr-Spławiński, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, Poznań, 1946, стр. 136—137.

должны были вызвать возникновение в отдельных частях подвергнувшегося экспансии балтско-славянского языкового комплекса всякого рода диалектных различий, о которых мы, однако, из-за отсутствия сохранившихся материалов не можем сказать ничего более конкретного. Но несомненно, что такая значительная языковая общность, как балтско-славянский языковой массив того времени, не могла быть свободна от подобных различий, возникших или в связи с различиями в субстрате, или в результате естественного языкового развития, которое на столь обширных пространствах, исключаящих длительный общественно-языковой контакт, не могло быть совершенно однородным.

Ослаблению внутренних связей балтско-славянского комплекса, несомненно, способствовали племенные и культурные различия, которые сохранились в давних временах, предшествующих довольно поверхностной культурной и языковой унификации в период экспансии носителей культуры «шнуровой керамики». В этой связи становится понятным углубление внутренних противоречий в балтско-славянском комплексе, который в бронзовом веке, около середины II тысячелетия до н. э., распадается на ряд становящихся все более самостоятельными племенных и языковых групп. Одним из проявлений этого процесса было, по мнению П. Н. Третьякова, выделение на территории Балтийского побережья, где дольше, чем на юге, сохранились древние формы общественно-культурной жизни, группы племен, язык которых в дальнейшем лег в основу развития языков балтийских (лето-литовских), наиболее близких славянским языкам (стр. 38).

Параллельно с прибалтийской группой автор называет ряд других племенных и культурных групп, которые около середины II тысячелетия до н. э. можно выделить в вольтско-приднепровских областях на основании не очень значительных отличий в материальной культуре. Все они относились к земледельческо-скотоводческим племенам, сочетавшим оседлый образ жизни с кочевым скотоводством, а в хозяйственном и материально-культурном отношении были связаны (что автор особенно подчеркивает; см. стр. 39) со своими западными соседями, племенами Средней Европы, с которыми их объединял главным образом формы изделий из бронзы. В то же время племенные союзы на левом берегу Днепра и в бассейне Дона определенно тяготели к востоку, подерживая в области материальной культуры связи с народностями Урала, Кавказа и Казахстана.

На территории бассейна верхнего Днестра П. Н. Третьяков в это же время выделяет группу так называемых почарских племен, из которых со временем выросла группа племени комаровской культуры, в общем близкой культуре приднепровских племен. К северу от них и в районе южных притоков Припяти жили племена так называемой высокой культуры, возникновение которой многие археологи, вопреки мнению автора, объясняют иммиграцией из областей бассейна Вислы. Именно на этих пространствах в первой половине II тысячелетия до н. э. многочисленные мелкие племенно-культурные группы — такие, как ивненская, томашевская и другие, уступают превосходству упоминаемой уже нами выше тичинцевкой культуры (которую, кстати сказать, П. Н. Третьяков неизвестно почему называет «тшеневкой»). К этому также следует добавить влияние надвигавшихся с запада, из областей над Лабой и Одрой, культур унетицкой и предлужицкой, из которых на рубеже II и I тысячелетий до н. э. формируется могущественный союз племен. Яркая и высокоразвитая культура этого союза носит в археологии название лужицкой культуры (от древнейших находок на территории Лужиц).

Генетические связи между всеми культурными группами бронзового века, которые лежат в основе этногенеза славян («протославянские»), П. Н. Третьяков считает недостаточно выясненными до настоящего времени. Он лишь констатирует, что на основании археологических данных можно утверждать, что на протяжении II тысячелетия до н. э. на указанные территории не вторгались ни одна чуждая народность (стр. 41). Это утверждение только в некоторой степени можно считать правильным, ибо никакими несомненными доказательствами подтвердить его нельзя, тем более, что в данной связи оно не играет большой роли. Решающим для вопроса этногенеза славян является, с точки зрения археологов, тот очевидный факт, что на протяжении двух-трех последних веков II тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия до н. э. на территориях (если брать очень приблизительно) от Одры до бассейна Верхнего Днестра, Волини и Подолии происходит далеко идущая культурная унификация, которая распространила свое влияние также и на восток в область среднего Днепра. Движимым началом этой унификации была так называемая лужицкая культура, которая оставила свой след на материальной культуре названных областей, хотя, конечно, и не в одинаковой степени на всем их протяжении. При этом характерно, что чем ближе к востоку, тем более это влияние ослабевает, пока окончательно не перестает ощущаться.

Около середины I тысячелетия до н. э. культурные связи между лужицким массивом и полужуицкими племенами этой территории и племенами областей Волини, Подолии и среднего течения Днепра умножаются и усиливаются, что приводит в по-

следние века до н. э. к образованию таких, без сомнения, близких культурных массивов, как так называемая культура ямных погребений в бассейне Одры, Вислы и верхнего Днестра и культуры так называемых полей погребений на территории бассейна среднего Днестра. Их культурная близость, несмотря на все различия между ними, должна быть и действительно признана теперь всюду археологическим эквивалентом этническо-языковой праславянской общности. Факт этот целиком признает также и П. П. Третьяков (ср. стр. 44—51 и карта), но его понимание путей, которые привели к подобной унификации, должно вызывать очень много возражений — как со стороны языковедов, так и со стороны археологов.

С точки зрения языковедческой прежде всего необходимо непосредственное рассмотрение вопроса распада балтийско-славянской языковой общности, существование которой П. П. Третьяков признает, хотя, как известно, связь ее с открытыми археологической культурными массивами он понимает иначе, чем это, по нашему мнению, вытекало бы из общего процесса складывания этнических отношений в конце неолитической эпохи. О выделении балтийского культурного массива автор, правда, говорит (стр. 39), что в связи с процессом образования и усиления различий между отдельными группами в протославянской (балтийско-славянской) общности происходило в течение бронзового века обособление племен Прибалтики. Эти племена сохранили на более долгий период, нежели южные, архаичные формы быта и культуры, с чем было также связано и языковое разделение. Но указанное не объясняет в достаточной степени материальных основ подобного разделения, так как ничего не говорится о факторах, которые удержали в относительно тесном единстве большую часть существовавшего до тех пор комплекса балтийско-славянских племен, оставив в стороне только прибалтийские племена. Этим фактором не могло быть воздействие массива приднепровских и волыньских племен, подверженных скифскому влиянию, так как их культурная экспансия никогда не простиралась так далеко на северо-запад, чтобы оказаться причиной отделения славянских племен от балтийских, граница которых на прибалтийских землях, как языковая, так и этническо-культурная, с давних времен проходила в общем по северной границе бассейнов Вислы и Буга.

Этому разделению в то же время вполне соответствует область распространения лужицкой культуры, которая почти абсолютно точно отделяет территорию оседлости славянских племен от балтийских. На этой же основе покоится выдвинутый мною в работе «О происхождении и прародине славян» тезис о решающей роли экспансии лужицкой культуры в распаде балтийско-славянской общности¹. Моя точка зрения не нашла никакого отражения в книге П. П. Третьякова, который оставил неразрешенными вопросы происхождения и экспансии лужицкой культуры, удовлетворившись лишь констатацией различий во взглядах польских археологов — И. Костшевского, выводящего лужицкую культуру из древней унетипкой и предлужицкой, родовые центры которых лежали в бассейнах верхней Лабы и Одры и на территории между Одрой и Вислой, и С. Носека, который видит основу лужицкой культуры в тшвинском культурном массиве и не дает объяснения, была ли она принесена извне или образовалась в результате автохтонных процессов.

Эта последняя проблема не имеет решающего значения для вопроса о роли лужицкой культуры в распадении балтийско-славянской общности, так как в этой связи можно считать несущественным, наступило ли отделение южной и западной части древней балтийско-славянской территории в результате вторжения новых этнических элементов, двигающихся с запада, или в результате внутренней кристаллизации местных племен, преобразующихся в новые объединения в силу тех или иных общественно-хозяйственных условий. При всем этом нам более правдоподобным кажется первое предположение, в равной степени как с археологической, так и с языковой точки зрения, ибо трудно объяснить общественно-хозяйственными переменами так далеко идущие изменения в формах керамики или погребального обряда, которые присела на соответствующие области лужицкая культура.

Пространство, охватывающее экспансией лужицкой культуры, на котором в последние века окончательно выкристаллизовалась праславянская языковая общность, дает по сравнению с архаичными формами быта, сохранившимися на балтийских землях, ряд новшеств не только грамматических, но и лексических. Среди последних особенно много слов с согласными *k*, *g* на месте исконных индоевропейских *k'*, *g'*, которые в эпоху балтийско-славянской общности систематически заменялись переднеязычными спирантами (*s*, *z*, откуда балт. *š*, *ž*, слав. *s*, *z*, как и в других так называемых языках *satem*), что указывает на примесь новых этническо-языковых элементов (тшав. *centum*), чуждых балтийско-славянской общности². Эти чисто языковедческие сомнения, приходящие на ум слависту-языковеду в связи с ролью племенных объеди-

¹ Ср.: моя работы: «O pochodzeniu i praojczyźnie słowian», стр. 137 и «Powstanie, rozrost i rozpad wspólnoty prasłowiańskiej» («Przegląd zachodni», 1951, № 3/4, стр. 369).

² См. Т. Lehr-Splawinski, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, стр. 137—138.

нений, представляемых лужицкой культурой, в начальной фазе развития праславянской общности вполне естественно могли не привлечь внимания слависта-археолога, каковым является *par excellence* П. Н. Третьяков, и спорить с ним по этому поводу трудно.

Гораздо большие расхождения возникают между автором и рецензентом в оценке роли племенных комплексов с лужицкой культурой в следующий период языкового развития славянских племен. Культура эта оказала решающее влияние на внутренние процессы образования праславянской общности в эпоху перед распадением ее на отдельные части, получившие в дальнейшем самостоятельное развитие. Разделяя взгляды польских и чешских ученых, П. Н. Третьяков полностью признает решающую роль лужицкой культуры в формировании праславянской общности в бассейнах Одры и Вислы и в материальной культуре их потомков, племен, принадлежавших к объединению культуры ямных погребений. Бесспорное продолжение последней он видит в культуре древних славян на этой территории. Однако он не соглашается с бытующей ныне оценкой роли племен лужицкой культуры в образовании славянства вообще. Правда, он верно отбрасывает принятое некоторыми польскими (И. Костшевским и его школой) и чешскими (Я. Филип) учеными отождествление «лужицких» племен с праславянскими и мнение о том, что они являются непосредственными предками всего праславянства, но в то же время ошибочно отрицает объединяющую роль, которую сыграло в этногенезе славян объединение, охватывающее большую северо-восточную и центральную часть этих племен. Не подлежит сомнению, что как археологический материал, так и данные древней историографии указывают на то, что в состав позднейшего славянского объединения вошли, с одной стороны, племена, являющиеся культурно-этническими преемниками лужицкой культуры, и, с другой стороны, племена, обитающие в области бассейна среднего Днепра и Южного Буга, связанные с древней восточноевропейской степной культурой и, частично, с трипольской культурой, которые в период VII и V вв. до н. э. входили в область господства скифов. Все эти племена от Одры до среднего течения Днепра, хотя и имели равное происхождение и различные культурные особенности, в течение II тысячелетия до н. э. были связаны с общей культурой «шнуровой керамики», что позволяет предположить, что по крайней мере уже тогда они были близки по языку, входя в состав индоевропейского языкового массива. Однако названия рек, особенно больших, как правило, сохраняющиеся очень долго и являющиеся наиболее древними (их хронология может быть, во всяком случае, установлена еще до времени Геродота), различаются в области этих двух племенных объединений самым поразительным образом: на западе преобладают названия, этимологически, несомненно, связанные с языками иллирийскими, кельтскими и балтийско-славянскими (например, Одра, Висла, Буг, Нотец, Варта и т. п.), а на востоке — названия ирано-фракийского происхождения (например, Днепр, Днестр, Гипанис, Борисфен, Прут, Стырь, Дон и т. д.)¹.

Нам кажется, что население этих областей до середины II тысячелетия до н. э. не имело общего языка, несмотря на его несомненный индоевропейский характер. По той же самой причине нам кажется сомнительным, чтобы, как это предполагает автор, земли по среднему течению Днепра входили в то время в состав балтийско-славянской языковой общности, так как на их территории нет древних балтийско-славянских названий больших рек. Многочисленные названия рек этой области, являющиеся по происхождению славянскими и связанные с названиями бассейна Одры и Вислы, относятся исключительно к менее значительным рекам, которые, как правило, носят названия более позднего происхождения². Из того факта, что в восточных областях наряду с древними названиями рек, указывающими на связь с ирано-фракийскими диалектами, имеются и названия славянского происхождения при полном отсутствии названий первого типа в бассейнах Одры и Вислы, само собой вытекает предположение, что языковая унификация всей области от Одры вплоть до среднего течения Днепра имела своим исходным пунктом западные территории, занятые племенами лужицкой культуры. Эти выводы, основанные на языковом материале, полностью совпадают и с археологическими данными. П. Н. Третьяков, правда, говорит (стр. 82), что археологическая наука не располагает никакими серьезными фактами, которые свидетельствовали бы о каком-либо массовом передвижении на восток лужицких племен, и на этом основании решительно отвергает предположение, что экспансия этих племен могла быть главным фактором этногенеза славян, подчеркивая тем самым преобладающую роль восточных племен, входивших в состав скифского объединения, военного, хозяйственного и культурное влияние которых распространялось очень широко не только в бассейне Одры, но и Лабы.

Вопрос этот, однако, не представляется простым: археологические исследования польских ученых (И. Костшевского, Л. Козловского, Т. Сулимйрского) и, частично,

¹ Подробности см. в кн.: T. L e h r - S p ł a w i Ń s k i, O pochodzeniu i praojęzyźnie słowian, стр. 60—80.

² Ср. там же, стр. 108, 209 и 210.

чешских (Я. Филппа) указывали уже с давних пор на распространение во второй четверти I тысячелетия до н. э. элементов лужицкой культуры далеко на восток, в области Водыни, Подолии и даже центральной Украины. При этом речь идет не только о свободном распространении, о котором упоминает П. Н. Третьяков (стр. 78), но о смешении лужицких форм и лужицких орнаментов в местной керамике, но прежде всего о распространении на Водыни, Подолии и в Поднепровье обряда трупосожжения, близкого к лужицкому, который с течением времени стал преобладающим в культуре людей погребения, благодаря чему они сблизилась с культурой ямных погребений, господствующей в последних веках до н. э. в бассейне Одры, Вислы и верхнего Днестра. На фоне экспансии элементов лужицкого происхождения образовалась около VII в. до н. э. на территории Водыни и Подолии высокая культура, истоки которой кроются в древней, восходящей еще к эпохе бронзы, культуре местных племен так называемых комаровских, белопотоцких и др., но, несмотря на это, насыщенность ее элементами лужицкой культуры бросается в глаза. На недооценку этих фактов указывал еще раньше в рецензии на первое издание книги П. Н. Третьякова советский археолог М. И. Артамонов. Он достаточно ясно подчеркнул распространение на территориях, о которых идет речь, многочисленных элементов лужицкой культуры, которые в конце галльплатского периода привели к значительному культурному сближению среднего Поднепровья с областями нынешней Польши, причем немалую роль в этом сближении сыграла высокая культура как посредник между областями лужицкой культуры и средним Поднепровьем. При этом он особенно подчеркнул, что местные приднепровские формы могил с трупосожжением развились на основе скрещения с формами лужицко-высоцкими. Этого факта не может ослабить утверждение П. Н. Третьякова (в первом издании книги) о том, что «эти племена сжигали тела своих умерших так же, как и многочисленные скифские племена», так как здесь он прошел мимо факта, имеющего очень большое значение, что обряд трупосожжения был у лужицких племен господствующей формой задолго до распространения его на территории скифских племен¹. Здесь мы имеем дело с явлениями значительно более серьезного характера, чем различные скифские находки на территории лужицких племен, которые свидетельствуют лишь о торговых сношениях и временных военных набегах на эти области со стороны скифских племен.

При таком положении вещей значительно более правдоподобным является предположение, что главным фактором постепенно возрастающего культурного выравнивания между областями бассейнов Одры, Вислы и Водыни, Подолии и среднего Поднепровья была экспансия населения из областей лужицкой культуры на восток, прежде всего в направлении Водыни и Подолии, а затем уже, более ослабленная, дальше к среднему течению Днестра. Эта экспансия, с которой некоторые ученые связывают упоминание Геродота о передвижении невров с северо-запада к новым поселениям на Водыни, не была очень сильной количественно, так как не вытеснила древнего населения комаровского типа с его волыньских поселений, а закрепила среди него много важных, проявляющихся в высокой культуре элементов лужицкой культуры, указывающих на ее перевес над культурой местного населения. С этим, по всей вероятности, общественно-хозяйственным перевесом было связано и проникновение языка, которое в конце концов привело к тесной языковой связи этих областей со складывающейся уже в течение нескольких веков на территории лужицкой культуры в бассейне Одры, Вислы и Верхнего Днестра праславянской языковой общности. Дальнейшее распространение к востоку на территории среднего, а с течением времени и верхнего Поднепровья культурных и языковых элементов из области высокой культуры значительно расширило область этническо-языкового праславянского массива и привело к его окончательному сформированию. Ясно, что процессы унификации хотя и были одной из причин оформления праславянской языковой и культурной общности, но немало не уничтожили старого населения этих земель и не стерли окончательно его культурных особенностей, связанных с прошлым этнической основы.

П. Н. Третьяков прав, когда он подчеркивает культурные связи населения среднего Поднепровья с древними скотоводческими племенами областей, лишь поверхностно захваченных скифами, и видит в них этническо-культурных предков восточных славян (стр. 45—67). Также верно он видит в славянском населении верхнего Поднепровья потомков одного из объединений скотоводческих племен I тысячелетия до н. э., а не позднейших иммигрантов, которые — как принято было считать в старой науке — пришли на эти земли почти непосредственно перед образованием древнерусской государственности (стр. 83—97). Но сохранение некоторых культурных особенностей, свидетельствующее о непрерывных генетических связях населения этих областей с древними скотоводческими племенами, которые населяли их еще перед I тысячелетием до н. э., не находится в противоречии с проявлением экспансии во многих основных чертах культуры (формы керамики, мотивы украшений, обряд погребения), проникаю-

¹ См. ВИ, 1948, № 9, стр. 102—103.

щих во второй и третьей четверти I тысячелетия до н. э. в эти земли из областей, связанных с лужицкой культурой. Параллельно с этими проявлениями культурной экспансии развивалась, по всей вероятности, идущая из тех же самых мест языковая экспансия, которая по своему значению была равноценна окончательной кристаллизации области распространения праславянского языка на последнем этапе развития языковой общности всех славянских племен.

Такое предположение находит, кроме того, свое обоснование и в явлениях, касающихся отношения праславянского языка к языкам соседних народов. Наблюдения, которые провела наука в последние годы, позволяют утверждать, что уже балтско-славянский языковой комплекс, а в еще большей степени праславянский, имели много важных связей в лексике и грамматическом строе с языками германского комплекса¹. Эти связи количественно и качественно превышали (в противоположность утверждениям старой науки, главным образом немецкой) связи с иранскими языками. Так как мы не имеем возможности вдаваться здесь в более подробное объяснение подобных явлений, достаточно сказать, что, кроме тенденции в развитии древних индоевропейских заднеязычных мягких согласных в переднеязычные спиранты (явления типа *sa-təm*) и тенденции оттяжки назад в глубину языковой полости древнего *s* в определенных позициях — черт, уходящих своим началом в эпоху праиндоевропейской языковой общности, нельзя указать никаких новых тенденций в развитии грамматического строя, которые связывали бы славянский языковой комплекс с иранскими языками. Связей же с германскими языками в области новых грамматических явлений обнаруживается так много, что само собой напрашивается вывод о том, что праславянский языковой комплекс в период своей кристаллизации должен был находиться в соседстве с германскими племенами и поддерживать с ними достаточно близкие отношения. Точно так же в области лексики значительно больше элементов, общих балтославянам и германцам, чем связей с иранскими диалектами, хотя, без сомнения, среди этих последних имеются очень характерные случаи (как, например, общие черты в лексике, связанной с религиозными поверьями; ср. *boż*, *svet*), название божества *Svarog*), свидетельствующие о живом влиянии иранских элементов на славян в определенном период — вероятно, в связи с политической и торговой экспансией скифов в середине последнего тысячелетия до н. э.

Другие лексические элементы восточноевропейского происхождения, на существование которых в праславянском языке указывают некоторые исследователи (в последнее время особенно проф. Казимеж Мошньский²), связываются, по всей вероятности, с позднейшими процессами взаимовлияния племенных диалектов внутри праславянского языкового комплекса на фоне внутренних перемещений племен, вызванных натиском различных кочевых народностей (гуннов, аваров, болгар), нападавших с востока на славянские земли в первые века нашей эры. Очевидно, что все это не изменило сформулированной выше точки зрения, что кристаллизация праславянского языка в области его распространения произошла на фоне языковой экспансии, имеющей своим источником западные лужицкие области, параллельно с распространением на восток и других культурных элементов из тех же самых источников.

Несомненно, что языковая экспансия, основывающаяся на специфическом механизме перенесения языковых систем, отличающемся от механики распространения материальной культуры, приобрела, со многих точек зрения, другой облик, нежели культурная экспансия, и привела к далеко идущей языковой унификации на всей указанной территории, прежде чем это произошло в области материальной культуры, которая оставила значительно больше следов связи с древними культурными массивами, развивающимися на этих землях до образования славянского комплекса. Опираясь на материалы археологии, гораздо легче, чем опираясь на материал языковедческий, выделить на славянской территории ее древние составные части — места поселения народностей, которые были этническими предками славян. Но если археологические данные приводят к выводу, что главные этнические элементы славянского комплекса можно разделить на три основные группы: 1) послужижскую — в бассейне Одры, Вислы и верхнего Днестра; 2) высоко-приднепровскую, охватывающую Вольну и среднее Приднепровье; 3) северо-приднепровскую, то с точки зрения языковой, несмотря на далеко распространившуюся языковую монолитность всех славян, можно выделить на основании различий в грамматическом строе несколько диалектных групп, не совпадающих, однако, полностью с культурным делением. Эти группы подвергались постепенно некоторым количественным изменениям и территориальной перегруппировке,

¹ См. T. Lehr-Splawinski, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, стр. 32—34, 42—43, а также работу Е. Георгиева «Балтославяно-германского языкового родства» (София, 1941, стр. 44).

² Ср. предположение его работы «Z zagadnień pochodzenia języka słowiańskiego» в «Sprawozdaniach z czynności i posiedzeń Pol. Akad. Um.», t. XLVIII, № 1 (Kraków, 1947).

что можно заметить в полной мере на основании наблюдений над относительной хронологией грамматических явлений.

Поскольку мы не имеем возможности вдаваться здесь в более подробные рассуждения на эту тему, неоднократно нами разбиравшуюся¹, ограничимся лишь подтверждением того, что наиболее древняя фаза диалектных различий праславянской общности, которую мы в состоянии увидеть, указывает на разделение на две группы: большую — восточную и меньшую — западную, которые могут быть сравниваемы с известным еще у древних авторов делением славянских племен на две большие группы: автов и оклавинов, имеющим, как много раз подчеркивает П. Н. Третьяков, археологическое обоснование в выделении на славянской территории в начале нашей эры двух больших культурных массивов: культуры полей погребения и культуры ямных погребений (а особенно выделяющейся внутри ее так называемой пшеворской культуры). Следующая фаза диалектного разделения праславянской территории на 3 группы — западную, восточную и южную — вводит нас уже в период ослабления внутренних связей в праславянском массиве и приближает к его распаду, механизм которого и последующая история выходят уже за рамки вопросов этногенеза славян, подвергнутых нами рассмотрению в связи с книгой П. Н. Третьякова. Работа П. Н. Третьякова — новая, высшая ступень на пути разрешения этой трудной проблемы. Последняя потребует еще долгого и кропотливого исследования как в области языкознания и археологии, так и в области других наук, располагающих материалами, которые дают возможность заглянуть в столь отдаленные от нас времена и условия общественно-хозяйственной и культурной жизни. При этом необходима координация исследований представителей всех этих отраслей науки во всех славянских странах.

Г. Лер-Славинский

Перевела с польского *Г. В. Синицына*

---

¹ Ср. мой реферат «O dialektach prasłowiańskich» в изд. «Sborník prácí I Sjezdu slovanských filológů v Praze, 1929 r.» (Praha, 1931) и соответствующие разделы в моих работах: «Prasłowianie (Z cyklu: Początki słowian)» (Kraków, 1946) и «Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich» (Warszawa, 1954).